

МОЖЕМ ЛИ МЫ ПРОЕКТИРОВАТЬ САМИ СЕБЯ?

В ситуации постмодерна, в которой мы все находимся, недостаточно просто рассказать, что мы думаем по поводу той или иной реальности или проблемы, необходимо продемонстрировать, как мы мыслим, какой подход реализуем, когда мыслим. Сюда же относится и наша позиция: с кем мы полемизируем или солидаризируемся. Так вот я выступаю против проектной установки, не вообще, а относительно человека и особенно самого себя. Хотя я себя могу замышлять и пытаться этот замысел в отношении себя реализовать, но получается при этом вовсе проектирование себя, а нечто другое.

На проектную установку в отношении человека вышел еще Г.Фихте.

«Кто же я, собственно, такой, - спрашивает Фихте, - т.е. что за индивид? И каково основание того, что я «вот этот»? Я отвечаю: с момента, когда я обрел сознание, я есмь тот, кем я делаю себя по свободе, и есмь именно потому, что я себя таким делаю»¹.

Но значительно раньше св. Августин, пытаясь себя переделать из «ветхого» человека в нового, христианина, с отчаянием восклицал: замышляю одно, а делаю другое.

«О, как желал и я достигнуть этого счастья, только не по сторонним побуждениям, а по собственной воле. А воля моя, к несчастью, была в то время не столько во власти моей, сколько во власти врага моего... Между тем во мне родилась новая воля - служить Тебе бескорыстно и наслаждаться Тобою, Боже мой, как единственным источником истинных наслаждений. Но эта воля была еще так слаба, что не могла победить той воли, которая уже господствовала во мне... Таким образом, две воли боролись во мне, ветхая и новая, плотская и духовная, и в этой борьбе раздиралась душа моя... Между тем я, служивший поприщем борьбы, был один и тот же... По своей же воле дошел я до того, что делал то, чего не хотелось делать... У меня не было никаких извинений. Я не мог сказать, что потому именно доселе не отрешился от мира и последовал Тебе, что не знаю истины; нет, истину я познал, но, привязанный к земле, отказывался воинствовать для Тебя... Я одобрял одно, а следовал другому... Тело охотнее подчинялось душе, нежели душа сама себе в исполнении высшей воли своей, в одной и той же субстанции моей, тогда как, казалось, достаточно было бы одного хотения для того, чтобы воля привела его в действие... Но да исчезнут от лица Твоего, Боже... те, которые, видя две воли в борьбе духа нашего, утверждают, что в нем существуют два духовных начала противоположного естества, одно доброе, а другое злое. Питая такие нечестивые мысли, они сами признают себя злыми; между тем могли бы быть добрыми, если бы отказались от этих мыслей»².

То есть замышлять то мы можем, но реализовать свои замыслы - только в тех случаях, когда наша природа им не сопротивляется. Л.С. Выготский, вероятно, с этим бы не согласился. Он, как известно, утверждал, что практической целью психологической практики («психотехники») является «подчинение и овладение психикой». Его концепция психотехники показывает, что помимо проблемы – *соотношения личной свободы и необходимости*, существует еще одна, а именно, *соотношение в личности естественного и искусственного планов*. С точки зрения, Л.Выготского все естественное в личности на самом деле – это искусственное, психотехническое. Рефлексируя эту позицию, А.А.Пузырей пишет:

¹ Гайденок П.П. Индивидуум // Новая философская энциклопедия в 4-х т. Т.2. М., 2001. Стр. 106.

² Августин А. Исповедь. М., 1992. Стр. 103-108; Гайденок П.П. Эволюция понятия науки. М., 1980. Стр. 418.

«Первой реальностью для исследователя в рамках культурно-исторической теории является не психика испытуемого, а само действие по перестройке его психики. Если принимать во внимание только полюс испытуемого и не учитывать факта искусственной перестройки психики с помощью специально изготовленных и особым образом употребленных знаковых средств, то будет упущено главное. Никакого естественного процесса, никакого естественного движения на полюсе испытуемого здесь нет. Есть только определенная последовательность, ряд актов реорганизации его психики, его поведения. Последовательность тактов развития... в качестве объекта исследования, в качестве минимального объекта изучения мы должны брать не естественные процессы функционирования психического аппарата, а системы психотехнических действий»³.

Идея психотехники в настоящее время является весьма популярной, особенно среди людей, занятых самосовершенствованием, поисками истины, спасения или экспериментаторством в отношении самих себя. Этимология этого слова указывает, с одной стороны, на момент техники, инженерного подхода к себе самому, с другой - на "психэ", душу, именно на нее направлена данная техника. Традиционно подобное отношение, действительно, ближе всего к идее самосовершенствования, но сегодня оно нагружено и другими смыслами - сознательное регулирование и изменение своих психических, эмоциональных состояний (наиболее известный пример - практика аутотренинга) и кардинальное изменение самого себя, которое, например, практикуется в эзотерических школах.

Если оставаться на почве рационального мышления, возникает вопрос, возможна ли, в принципе, психотехника? В основе психотехнического подхода лежит идея, что человек без посторонней помощи, без давления внешних обстоятельств может воздействовать сам на себя и кардинально изменяться. Но можно ли измениться самому, справиться с самим собой, если речь, идет о реальных, сильных, жизненных проблемах и желаниях? Сегодня нередко иронизируют по поводу форм самовнушения: "я спокоен, я уверен" и т.д.; по сути, все эти формулы разлетаются, как дым, как только человек сталкивается с реальными проблемами. Выясняется, что человек абсолютно ничего не может себе внушить, не может ввести себя произвольно в нужное ему состояние. Есть более мощная сила - его натура, которая влечет человека по проторенному пути.

В теоретическом отношении не очень понятно, как возможно кардинальное изменение, ведь для изменения нужно найти своего рода точку опоры вне человека. Но что значит найти точку опоры вне человека, если психотехника - это воздействие человека на самого себя? Где найти эту точку, ту опору, опираясь на которую человек сам себя будешь переделывать? Эта опора она что - вне человека? Разве она не подчиняется законам психики?

Не внушает ли себе человек, что он спокоен, уравновешен, добр, может себя изменить и т.д., хотя реально он этого сделать не в состоянии, однако может притвориться, что он это делает. Не является ли психотехника некоей игрой в идеал, то есть игрой психики? Может быть, на самом деле все это превращенная форма поведения европейского человека в связи с тем, что он верит в возможность самоизменения. Одновременно, можно согласиться, что эта игра имеет определенную адаптивную, сохранительную функцию, скажем, символическое изживание нереализованных идеалов личности.

Отметим общие моменты, характерные почти для всех видов и направлений психотехники, включая и концепцию автопроекта. Во-первых, любая психотехническая работа предполагает ряд, так сказать, психотехнических, установок и ценностей: на изменение личности, работу над собой, преодоление себя, изменение своих состояний,

³ Пузырей А.А. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология. - М., 1968. Стр. 87.

переход в эзотерическую реальность и т.п., естественно, специфичные в каждом направлении психотехники. Второй момент - это усилия, направленные на подавление, отказ, снижение значимости и т.п. отрицательные действия в отношении определенных желаний, естественных потенций и устремлений личности, определенных планов его поведения. Как правило, борьба ведется с теми естественными структурами личности человека, которые не отвечают психотехническим установкам и ценностям, идеалам совершенной личности. Третий момент, в определенном смысле противоположный предыдущему - это культивирование, развитие тех желаний, устремлений, планов личности, которые отвечают психотехническим установкам, ценностям и идеалам. Еще один общий момент, хотя он может проявляться совершенно по-разному, связан с формированием способности произвольно входить в определенные эмоциональные, духовные или психические состояния, начиная от простых чувственных ощущений и восприятий (вызывание у себя ощущений тепла, холода, тяжести, видения определенных цветов, фонов и т.п.) вплоть до сложных переживаний, иногда даже высшего порядка ("восприятия" абстрактных идей, образов, сцен, психодрам и т.д.).

Но что собой представляет совершенствование человека с психологической точки зрения? Можно предположить, что это реализация особых желаний. Эти желания относятся или к реальности жизненного пути человека, которая формируется, начиная с подросткового возраста, или к реальности нашего "Я" (личности). Когда психологи говорят о Я-концепции или Я-образах, о скриптах, о жизненных и личностных ценностях, они фактически указывают на две данные реальности. Совершенствование человека предполагает актуализацию "образа себя" и дифференциацию себя на две персоны: ту, которая подвергается изменению (совершенствованию) и ту, которая должна произвести подобное изменение (иногда вторая персона осмысливается как воля, а первая как естественная природа человека). Для понимания возможностей психотехники особое значение имеют случаи, когда совершенствование не идет, не получается (человек подавляет в себе определенные желания, а они прорываются снова и снова, он пытается жить правильно, но это не получается). В чем тут дело?

Во-первых, нужно признать, что личность в целом не совпадает с человеком, что личность хотя и важная, но все же часть психики человека. Кроме того, личность может пониматься как много разных Я (разных субъектов в одном человеке) : Я идеальное и Я реальное, Я волящее и Я пассивное, несколько Я, реализующих противоположные или просто несовпадающие устремления и планы человека и т.д. Самонаблюдение показывает, что каждое такое Я нашей личности часто претендует на представительство всей личности в целом (манифестирует личность в целом), что разные Я личности взаимодействуют или даже борются друг с другом, что равновесие или согласие разных наших Я не всегда достижимо. Но ситуация еще сложнее: помимо личности в человеке действуют и другие начала. Например, телесность (чувство боли, половое чувство, чувство голода или насыщения, физические силы, энергетические потенциалы организма и т.д.), родовая сущность человека (совпадение его с группой, сообществом, культурой), его духовная сущность (человек как воплощение духа и культа). Опять же наблюдения убеждают нас, что личность нередко вступает в конфликт с телесностью (например, подавляет ее; противоположная ситуация - культивирование телесности), что родовая сущность человека может влиять на личность, даже управлять ею (пример, "затмение разума" на почве религиозных или национальных раздоров), что эгоистическое начало в личности может конфликтовать с его духовной сущностью.

Но если это так, если в человеке действуют несколько равноценных сил и начал (разные Я, телесность, родовая и духовная сущности), то можно предположить, что психотехнические устремления и усилия, если они не совпадают с общим движением (развитием) и ориентацией других начал, будут или успешно гаситься или парализоваться. В этом случае, действительно, психотехническая деятельность будет действовать вхолостую, не приведет к каким-либо изменениям в человеке, хотя вполне может

обеспечивать компенсаторные функции личности, например, создавать условия для символической реализации устремлений человека к совершенствованию себя.

Если же, напротив, общая ориентация и движение начал и сил человека направлены именно к совершенствованию личности, то в этом случае психотехническая деятельность, направленная на подобное совершенствование, волеется в общий поток изменений, усиливая и поддерживая его. Но это значит, что в данном случае помимо психотехнических целей и усилий человек реализует и другие (личностные, родовые, духовные): он совершенствует свою личность, работает над собой, участвует в жизни общества и культуры. Следовательно, в этом случае психотехническая работа осмысленна и эффективна именно потому, что существует и разворачивается в более широком личностном и культурном контексте. Означает ли сказанное, что человек вообще не может изменить себя и что психотехническая работа ничего не дает? Вероятно, нет, я хотел обратить внимание на другое - насколько этот процесс сложный и негарантированный. Еще одна сторона этой проблемы состоит в том, что для того, чтобы работа в отношении себя стала возможной и реально помогла, человек, вероятно, должен пережить кризис, преодоление которого часто невозможно без внутреннего духовного переворота и помощи других людей.

Но даже если получается реализовать себя в соответствии с замыслом, возникает принципиальный вопрос – проектирование ли наше действие? Чтобы корректно ответить на этот вопрос, нужно понять, что такое проектирование?

Исследования показывают, что проектирование становится самостоятельной сферой деятельности, когда происходит разделение труда между архитектором (конструктором, расчетчиком, чертежником) и собственно изготовителем (строителем, машиностроителем); первые начинают отвечать за семиотическую и интеллектуальную часть работы (конструктивные идеи, чертежи, расчеты), а вторые - за создание материальной части (изготовление по чертежам изделия). Складывается собственно деятельность и реальность проектирования, для которой характерны ряд моментов.

1. Принципиальное разделение труда между проектированием и изготовлением. Проектировщик обязан разработать (спроектировать) изделие полностью, решив все вопросы его внешнего вида, строения и изготовления, увязав при этом разнообразные требования к объекту. Изготовитель по проекту создает изделие в материале, не тратя времени и сил на те вопросы, за которые отвечает проектировщик.

2. Проектировщик разрабатывает все изделие в семиотическом плане, используя чертежи, расчеты и другие знаковые средства (макеты, графики, фото и т.п.). Его обращение к объекту (прототипу или создающемуся объекту), может быть только эпизодическим и опосредованным (т.е. опять-таки выведенным на уровень знаний, чертежей, расчетов).

3. Для проектирования характерны определенная "логика" и определенные возможности, недостижимые вне этой деятельности. Так, проектировщик может совмещать и примерять противоположные или несовпадающие требования к объекту; разрабатывать отдельные планы и подсистемы объекта, не обращая определенное время к другим планам и подсистемам; описывать независимо друг от друга вид, функции, функционирование и строение объекта и затем совмещать их; разрабатывать (решать) различные варианты объекта (изделия) и его подсистем, сравнивать эти варианты; "вносить в объект" свои ценности. Разрабатывая изделие, проектировщик строит своеобразные "семиотические модели", причем модели проектируемого объекта, полученные на предыдущих этапах (их условно можно назвать "абстрактными"), используются как средства при построении моделей, строящихся на последующих этапах проектирования (т.е. "конкретных" моделей).

Особенность проектировочных чертежей как сложных знаковых средств - возможность выражать в них одновременно две разные группы смыслов и содержаний: чисто *объектные* и *операционные* (чертеж может быть разбит на элементы, части,

фрагменты, между которыми устанавливаются разнообразные отношения - равенства, подобия, части - целого, пропорциональности, включения, исключения, смежности, положения и т.п.). За счет этого проект может быть прочтен один раз как "*знание и описание*" (в коммуникации заказчик, проектировщик, потребитель), а другой раз - как сложное *предписание* (в деятельности изготовления; в этом случае отдельные единицы чертежа отсылают к определенным реальным объектам и действиям измерения и изготовления).

В норме проектирование предполагает движение от требований к функциям (функционированию), а так же от функций к обеспечивающим их конструкциям (и наоборот, от конструкций к функциям). В ходе проектирования осуществляется расщепление одних функций на другие, вычленение в сложной конструкции более простых и, наоборот, составление из простых более сложных конструкций (этап проектировочного анализа и синтеза), переход от одних функций и конструкций к другим. При этом проектировщик уверен, что всегда подыщет для функции соответствующую конструкцию, что можно относительно независимо, параллельно разбрасывать "план" функционирования и "план" строения объекта (поскольку они постоянно связываются процессом проектирования), что требования, предъявляемые к проектируемому объекту, можно удовлетворить с помощью известных типов функционирования и конструирования. В общем случае такая уверенность опирается на знания - конкретно, на знания прототипов, а также отношений, связывающих функции и конструкции (функционирование и строение)⁴.

Рассмотренные здесь особенности и принципы проектирования характерны только для классического «традиционного проектирования» (инженерного, архитектурно-строительного, технического). Распространение их на другие виды деятельности (градостроительство, дизайн, управление, экономическое планирование и т.п.) затруднено в силу отсутствия или несовершенства научных и опытных знаний о закономерностях функционирования соответствующих объектов (городов, управления, экономики, социокультурной жизни и т.д.). И тем не менее, экспансия проектирования на эти виды деятельности происходит. Возникают градостроительное проектирование, системотехническое, дизайнерское, эргономическое, организационное проектирование и другие. Все эти виды деятельности можно назвать «нетрадиционным проектированием».

В целом нетрадиционному проектированию присуща одна особенность, а именно низкая «проектосообразность». Проекты, созданные в рамках нетрадиционного проектирования, реализуемы лишь частично или предполагают существенную трансформацию (замышляется одно, а получается другое), или не реализуемы вообще. В нетрадиционных видах проектирования, к которому относится и проектирование человека, как правило, сохраняются две основные проектные процедуры. Во-первых, проектировщик замышляет новый объект, новое качество жизни. Во-вторых, происходит разработка замышленного объекта: учет и согласование требований, предъявляемых к объекту (заказчиком, проектировщиком, согласующими инстанциями, потребителями и т.д.), конструктивное задание основных элементов и связей объекта и т.д. По сути именно двумя указанными процедурами и ограничивается проектная культура современного нетрадиционного проектирования.

Проектирование может использоваться также не для создания замышляемого объекта, а для *инициации определенных изменений*, например, обсуждение проекта выступает источником самоорганизации заинтересованных лиц или стимулом для следующих более совершенных проектов и т.д. Наконец, сегодня термин проектирования часто используется в рамках любой организационной деятельности, когда имеют в виду замышление чего-то и деятельность, разворачивающуюся под влиянием самых различных

⁴ Розин В.М. Проектирование как объект философско-методологического исследования. // Вопр. философии, 1985, № 10

факторов. В этом последнем случае нет установки на соответствие замысла и продукта деятельности. Понятно, что такого рода «проектирование» имеет мало общего с традиционным или нетрадиционным проектированием. Будем эти два последних вида называть «стимулирующим» и «организационным».

Если теперь ставить вопрос о проектировании человека или себя, то о каком проектировании идет речь у авторов соответствующего «проекта»: традиционном, нетрадиционном, стимулирующем или просто организационном? Если речь идет об стимулирующем или организационном проектировании, то никаких проблем - замыслий относительно себя сколько хочешь и чего хочешь, а что получится, то и получится.

Платон в «Пире», размышляя о любви, предъявляет требование – мыслить непротиворечиво и переключить любовь на личность. Поясняя в диалоге "Федр" примененный им в «Пире» метод познания любви, включающий два вида мыслительных способностей, Платон пишет, что одна -

«это способность, охватывая все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрозненно, чтобы, давая определение каждому, сделать ясным предмет поучения». Рассуждая об Эроте, он именно так и поступил: «сперва определил, что он такое, а затем, худо ли, хорошо ли, стал рассуждать; поэтому-то рассуждение вышло ясным и не противоречило само себе. Второй вид – это, наоборот, способность разделять все на виды, на естественные составные части»⁵.

«Любовью, - говорит герой «Пира» Аристофан, - называется жажда целостности и стремление к ней»⁶. Однако продолжение речи Аристофана и далее речь Диотимы показывают, что и целостность, и стремление к ней Платон понимает не столько как физическое соитие, сколько как поиск своей половины (это имеет смысл прежде всего для личности), стремление к прекрасному, благу, творчеству, совершенствованию, бессмертию. При этом Платон вводит удивительный образ - людей "беременных духовно", разрешающихся духовным бременем в совершенствовании себя и творчестве.

Я тоже хочу мыслить непротиворечиво, но не любовь а по поводу себя, своей личности, а также значимо в социальном отношении, ведь концепция автопроекта, если ее принимать, важна не только для отдельного человека, но и для многих. Реализуя эти требования, я рассмотрю сначала один случай, произошедший со мной много лет тому назад.

«Кандидатскую диссертацию я писал сам, без научного руководителя, обобщив исследования, которые вел почти 15 лет. Работа называлась “Логический анализ математических знаний”, и была посвящена генезису формирования “Начал Евклида”. Защита прошла вполне успешно, друзья даже говорили, что блестяще. Как на грех, кажется, за пол года перед защитой Г.П.Щедровицкого исключили из партии за то, что он подписал письмо-протест по делу Даниэля и Синявского и, главное, не захотел потом покаяться перед властью. Хотя Щедровицкий не был моим официальным научным руководителем и вообще не видел диссертацию в окончательном виде, в тексте диссертации я, естественно, ссылался на работы своего учителя, тем более, что само это исследование, когда я только что появился на семинаре Московского методологического кружка, было инициировано Щедровицким и неоднократно обсуждалось. Буквально за два дня до защиты, меня вызвал ученый секретарь диссертационного Совета университета и, отведя его в сторону, сказал.

- Вадим Маркович, вот Вы здесь в литературе диссертации указываете Щедровицкого, подряд двенадцать работ. Но ведь, Вы, конечно, знаете, что его исключили из партии и мало того, только что в “Правде” появилась реплика главного редактора о том, что «марксизм не совместим с щедровитизмом». Мой Вам искренний совет, уберите эту литературу, в ВАКе могут быть большие неприятности.

⁵ Платон. Федр. Соч. в 4 т. Т. 2. М., 1993. Стр. 176.

⁶ Платон. Пир. Т. 2. Стр. 120.

Как сейчас помню нахлынувшие на меня тогда неприятные ощущения и предчувствия. Подумав, сказал.

- Я один из первых учеников Щедровицкого. Если я сниму эту литературу и ссылки на Щедровицкого, то открою дорогу другим. Возможно, меня ВАК не утвердит, но лучше уж я буду жить с чистой совестью. Нет, я ничего не изменю.

Ученый секретарь как в воду смотрел: когда диссертация попала в ВАК, ее тут же стали вполне сознательно валить. Началась борьба, которая, казалось, закончилась победой ВАК. Через три года после защиты я получил совершенно неграмотное письмо с решением ВАК, отказывавшем мне в звании кандидата философских наук.

В ответ мои официальные оппоненты (это были три известных доктора философских наук) написали письмо председателю ВАК профессору Елютину с критикой неграмотной экспертизы. Но, пожалуй, решающее значение сыграло другое письмо, подписанное Эвальдом Ильенковым, Борисом Грушиным, Василием Давыдовым, Мерабом Мамардашвили (отказался подписать письмо только один человек - Александр Зиновьев). С мнением этих людей ВАК просто не мог не считаться. После этого письма наступил перелом, и события потекли в обратном направлении. Та же самая экспертная комиссия, которая прислала отказ, буквально через месяц утвердила диссертацию, что вызвало гнев Елютина. Говорят, он кричал на председателя комиссии: «То Вы без всякого основания отклоняете диссертацию, то без оснований утверждаете ее. Пошлите на дополнительный отзыв». Что и было без промедления сделано. Через два месяца был получен положительный отзыв профессора Рузавина, и мою диссертацию окончательно утвердили. Между защитой и утверждением прошло ровно три с половиной года⁷.

Проанализируем этот случай. Во-первых, я оказался в ситуации, которая воспринималась мною как *экзистенциальная проблема*. Во-вторых, пытался разрешить ее рационально: продумывал возможные решения (убрать литературу и ссылки на Щедровицкого или оставить все, как есть) и последствия, что будет, если сделаю тот или иной выбор. В-третьих, в ходе этих размышлений я, образно говоря, добрался до «дна своей души», поняв, что, конечно, для меня невозможно сделать то, что настоятельно советовал ученый секретарь. То, до чего я добрался, - это уже не действие, а некоторое *состояние моего бытия* (экзистенция), кристаллизовавшееся в результате моих рациональных размышлений. Заранее до этих размышлений данная экзистенция была мне неизвестна и не дана.

Получается, что целым в данном случае выступает работа по разрешению экзистенциальной ситуации, включающая своего рода замышление (решаю чему во мне быть, как я буду себя вести), обнаружение присущей мне экзистенции (бытия), новую сборку себя (настраиваюсь на новую жизнь, предполагающую борьбу с ВАК, возможный отказ, различные связанные с этим проблемы). И Августин, размышляя о сопротивлении самого себя собственным замыслам, добрался до дна, выявив свою экзистенцию: он понял, что уже поверил в Бога, но что его воля пока была слаба, а привычки привязывали к земле, что человек един, а зло – это не второе начало, а наша слабость, которая исчезнет, если человек будет трудиться над собой.

Все это очень далеко от проектных и психотехнических представлений. Тем не менее, эти представления возрождаются вновь и вновь. Вот только что я читал лекцию методолога и политтехнолога Сергея Валентиновича Попова. Он рассказывает слушателям своего семинара, что нашу жизнь полностью определяет социальная МАТРИЦА, но задача свободного и мыслящего человека научиться жить по-новому. В будущем, говорил Попов жизнь будут определять люди двух типов. Первые – те, которые осуществляют деконструкцию и построение мини-матриц, то есть таких отдельных миров, которые еще должны друг с другом коммуницировать. И люди, которые могут проектировать, инициировать, создавать появление вот этих новых социальных миров.

⁷ Эта история подробно изложена в моем методологическом романе «Проникновение в мышление» (2002).

С точки зрения Попова, такие новые передовые субъекты должны обладать и новыми способностями. Способностью к *ориентации* (не ум, а изобретение разных умов, по-разному устроенных, не расчет, а возможность разных расчетов и их пробы). Способностью к *имитации будущего*, (то есть, используя воображение, новый человек будет представлять, что может сложиться и выбирать из этого то, куда ему идти). Наконец, способностью к *сборке и схематизации*, которая позволяет жить в новом мире. Если мы, говорил Попов, строим ту или иную картину или множество таких картин, что более правильно, и в них ориентируемся, то мы можем имитировать себя и жизнь в возможных мирах, а не в актуально существующих. Так вот мы можем взять и самого себя построить и собрать в этом будущем мире, и тем самым стать реальными и сделать свой собственный мир. Это и есть способность к сборке и схематизации.

Мне больше импонирует экзистенциальное самоопределение Мишеля Фуко. Оно включает в себя следующие положения: конституировать, делать себя, ориентируясь на реальность, осмысляя ее; сопротивляться тем социальным институтам, которые подавляют личность; делать свою жизнь как произведение искусств; жить и мыслить так, чтобы преодолевать свою прежнюю сложившееся бытие; быть открытым новому, переосмыслять и себя и внешнюю реальность и другие.

«Я мечтаю об интеллектуале, - писал Фуко, - который сокрушает очевидности и общие места, который в инерции и ограничениях настоящего находит и отмечает слабые места, трещины, силовые линии, который постоянно находится в движении, не знает точно, куда он двинется и как он будет думать завтра, потому что он уделяет слишком большое внимание настоящему». Фуко интересовала возможность «узнать, в какой степени работа осмысления своей собственной истории может освободить мысль от того, что она мыслит втайне от самой себя, и дать ей возможность мыслить иначе». «Из идеи того, что Я не дано нам, есть только одно практическое следствие: мы должны творить себя как произведения искусства». Быть свободным «означает не быть рабом самого себя и своих стремлений – это подразумевает, что мы устанавливаем с самими собой известные отношения господства, укрощения, которые называются *agche* – власть, сдерживание». Эта критическая функция философии до известной степени проистекает из Сократовского императива: «Занимайся собой», т.е. «Самообладанием положи в основу себя свободу»⁸.

У меня несколько иная картина. Я стремлюсь жить в ладу с самим собой. Стараюсь делать себя, но не как произведение искусств. С одной стороны, я пытаюсь соответствовать своему пониманию, что есть человек, с другой – критически осмысливать эти свои убеждения. С одной стороны, следуя принципу, что «человек сам себе не судья», с другой – считаю, что критическое отношение к себе – залог правильной жизни. С одной стороны, я принимаю себя, каким я являюсь «здесь и сейчас», с другой стороны, работаю над собой, надеясь со временем измениться в лучшую сторону. Я не считаю себя гением, но делаю все, чтобы через меня состоялась культура и жизнь. Признаю свою зависимость от других людей и совместность нашей с ними жизни. Поэтому я стараюсь помочь людям и сделать все, чтобы способствовать культуре. Одновременно готов отстаивать свою свободу как личность и возможность критического отношения к существующей жизни. Духовность и мышление для меня являются ценностями, и нравственное и порядочное поведение – не пустой звук. Наконец, не исключаю, что могу и заблуждаться по поводу правильности своего пути.

Нетрудно заметить, что представления Фуко (также, кстати, как мои, и Попова) исходят из убеждения, что нельзя раз и навсегда конституировать жизненный путь личности, что в течении жизни это приходится делать неоднократно. Тем не менее, это не означает, что нет определенных экзистенциальных универсалий, что жизнь человека

⁸ Цит. по Роджер Алан Дикон Производство субъективности // Логос. # 2 (65) 2008. Стр. 53-60

можно конституировать произвольно. Мы конституируем себя в пространстве культурных оппозиций и общих условий, которые, конечно, же меняются со временем, но не исчезают вообще. В число этих общих условий и универсалий входят и традиции, которым мы следуем, и одновременно их преодолеваем, и сама работа по конституированию жизни личности. В наше время перемен и перехода, во внеэтическую эпоху об этом не стоит забывать, поскольку от характера конституированная себя во многом будет зависеть и качество нашей жизни.

Как правило, экзистенциальный поступок завершает собой сложную и часто длительную *эволюцию личности*⁹. Св.Августин в «Исповеди» рассказывает, как он много лет пытался понять, что такое Бог, и только после ряда кардинальных открытий смог пережить открытие божественной реальности. Так, Августин с помощью сведущих в христианстве людей он уяснил, что тексты Священного писания нельзя понимать буквально, иначе, действительно, будут одни противоречия и несуразницы. Он понял, что Библию и Евангелие надо трактовать иносказательно, аллегорически и символически. Августин последовательно переосмысливает идею христианского Бога: сначала он уходит от антропоморфного понимания Творца, затем пытается представить Бога в виде тонкого эфира или пространства, пронизывающего все вещи, все, но и при таком понимании остаются противоречия. Тогда Августин делает решающий шаг, представляя Бога в виде истины и условия творения. В этом случае Бог везде и нигде, он не антропоморфен, обеспечивает правильное понимание мира, природы и человека, как их Творец и истина. И одновременно нарастали мучительное неприятие обычной жизни и тяга к христианству. Все это и подготовило поступок и переворот сознания Августина.

Я разошелся со своим учителем, Г.Щедровицким и по содержанию и в этическом плане, после почти десяти лет самостоятельной работы, смены проблематики исследования (с естественно-научной на гуманитарную), продумывания своих идеалов, полемики со Щедровицким по поводу подхода и форм работы в Московском методологическом семинаре.

Будучи личностью, человек уже не может действовать как все, по традиции или обычаю, исходя из общепринятой и общезначимой реальности. Он ищет опоры в самом себе и в мире, которые отвечает его убеждениям. Если же его «Я» и мир перестают отвечать его чаяниям, именно в силу эволюции личности, человек рано или поздно переживает кризис и вынужден менять и то и другое. Необходимое условие такой трансформации и метаморфозы – поступок и творчество. Поступок позволяет расстаться с прошлым, оценить его негативно, сделать шаг в будущее. Но чтобы такие расставание и шаг стали возможными, личность должна обрести новое видение, выйти на новую реальность, ощутить себя по-новому, что обязательно предполагает творчество – построение дискурса, изобретение схемы, диалог и пр. Например, чтобы обрести и почувствовать Бога, Августин должен был многому научиться и выйти на необычные истолкования как самого Творца, так и Христа. Одно из условий моего разрыва с учителем было продумывание задач методологии и моих устремлений, что предполагало не только рефлекссию, но и изучение ряда тем¹⁰.

⁹ Обычно сама личность не замечает своей эволюции. Нужна внешняя позиция (М.Бахтин) и рефлексия, чтобы понять, со мной что-то происходит.

¹⁰ Эволюция личности представляет собой развитие в определенном направлении (оно видно только тому, кто рефлексиирует нашу жизнь), обусловленное самыми разными моментами и обстоятельствами (характером занятий, новыми ситуациями, общением с другими и прочее). Как личность, человек проживает и разрешает эти моменты и обстоятельства самостоятельно (в результате и происходит направленное развитие). Но необходимое условие самостоятельной активности – приписывание себе и реальности определенных свойств и характеристик (я такой-то, мир и люди такие-то), хотя осознаются они до поры до времени в рамках привычных представлений и мироощущения. Однако

Итак, в своей жизни человек сталкивается с различными экзистенциальными проблемами (ситуациями), которые он переживает и старается разрешить. В результате имеет место «эволюция личности», то есть направленное развитие, постепенно приводящее к экзистенциальному кризису, к невозможности жить по-прежнему. Формой разрешения кризиса выступает экзистенциальный поступок. Необходимое условие – конституирование себя и реальности во вне. Совершая поступок, человек, с одной стороны, себя осознает, то есть уясняет, что для него приемлемо и органично, с другой – конструирует (приписывает себе как личности определенные черты).

Но социальность не сводится только к экзистенциальным ситуациям. Она задается также *социальными практиками*, в рамках которых человеку вменяются определенные социально значимые представления. К числу таких практик относятся: образование, идеология, политика, искусство, наука, а в интересующем нас случае психоанализ и другие психологические практики. Концепция автопроекта – это установка на создание еще одной психологической практики, в рамках которой человек мог бы себя делать по своим замыслам. Но, спрашивается, какой образ личности при этом предполагается? Если иметь в виду традиционное проектирование, то личность – это всего лишь техника. Если нетрадиционное проектирование, то необязательно техника, но, как мы сказали, в этом случае реализация наших замыслов не гарантирована.

Я лично за такие социальные практики, которые не превращают человека в технику, а расширяют его сознание, не расщепляют его, а собирают, позволяют действовать реалистично и в тоже самое время нравственно и духовно. Опять же, все это далеко от проектных установок в отношении человека и себя.

К сожалению, современная социальность в обоих ее аспектах (экзистенциальные ситуации и практики) испытывает человека на прочность: расщепляет, лишает нравственности, постоянно ставит в ситуации, где он не может продолжать жить. Но, вероятно, таковы все переходные времена. В результате человек уже не может конституировать себя надолго, напротив, *вынужден периодически себя возобновлять*.

««Реальность, - пишет Мамардашвили, - существует для нас лишь в той мере, говорит Пруст, в какой она воссоздана мыслью... то есть единственным видом применения энергии является применение её на расковывание, на изменение самого себя, как единственного носителя и исполнителя того, что предназначено. Ты должен на пустое место встать актом своего восприятия, своего состояния. Это то, что у Декарта называется cogito... все это нужно возрождать и воссоздавать заново, и никто и ничто не может избавить человека от этого труда или, как выражается Пруст, от fardeau - от этой ноши, тяжести. Само человеческое состояние, - а оно является человеческим в той мере, в какой человек освобождается от естественной игры страстей, - это состояние свободы. Это есть то, что каждый раз приходится возрождать»¹¹.

В настоящее время наметились три ответа (сценария) на вызовы времени (кризисы социальности). Первый, «по Августину». Да, пока я слаб, но я мобилирую все свои силы и пройду намеченный путь. Я с Богом или людьми, я один, буду работать и рано или поздно произойдут изменения в лучшую сторону.

Второй, условно, «жизнь в двух комнатах». Его можно проиллюстрировать на примере веры и неверия. В одной «комнате» - человек верующий (христианин или еврей, или мусульманин), а в другой – рационалист, например, психолог. Возникает естественный вопрос, как это возможно? Здесь есть два разных обстоятельства, одно скорее психологического характера, другое социокультурное – что собой представляет современная вера и религия, каковы их функции. Жить в двух «комнатах» сегодня не

рано или поздно эти новые характеристики, обеспечивающие эволюцию, входят в противоречие с привычными. Тогда личность вынуждена пересматривать привычные представления и совершать поступок.

¹¹ Мамардашвили М. Лекции о Прусте. М., 1995 Стр. 97, 119, 189.

более затруднительно, чем жить в двух разных реальностях. Современный человек научился раздваиваться. Большую роль здесь сыграли, во-первых, искусство, в реальности которого мы можем входить и долго там жить; во-вторых, социальные практики (досуг, сферы жизни с разными условиями), позволяющие реально жить разными событиями. Более того, нередко в одной реальности человек действует противоположно тому, как в другой. Например, в публичном пространстве он законопослушный гражданин или скучный обыватель, а в своих фантазиях или скрываемой от общества жизни – преступник и дерзкая личность. Соответственно, как часто современный ученый или политик в своей области рационалист до мозга костей, а в церкви почти мистик. Не менее существенно, что в настоящее время вера и религия имеют другой смысл, чем прежде, скажем в средние века. По социологическим наблюдениям не больше 2-5% верующих реально посещают все службы и, главное, живут событиями религиозной жизни, а остальные 70% хотя и называют себя верующими далеки от Бога. Можно предположить, что именно эти 2-5% продолжают сегодня подлинную религиозную традицию. А остальные, они что лицемерят? Думаю, нет, хотя у отдельных прихожан и этого исключить нельзя. В целом же люди, идентифицирующие себя как верующие, приходят в церковь или верят потому, что находят в религии то, чего им не хватает в обычной социальной жизни: например, общения и поддержки (к общине принадлежат те люди, которых я уважаю и ценю, на авторитет которых можно опереться), реальность, отчасти противоположную повседневной (здесь живут духовным, возвышенным), некоторые гарантии (а вдруг, на самом деле там что-то есть, тогда лучше я лишний раз схожу в церковь и перекрещусь, меня не убудет). Другими словами, в настоящее время вера все больше превращается в один из типов социальности; проблемы спасения или жизнь сакральными событиями воспринимаются большей частью верующих не более как ритуал и виртуальный сценарий. В этом случае понятно, что и психологи могут спокойно практиковать теорию деятельности или психоанализ, то есть дисциплины сугубо естественно-научные, и одновременно посещать церковь, погружаясь в мистику, ловя возникающие при этом состояния.

Наконец, третий ответ - это патологическое расщепление человека на несколько автономных режимов, каждый из которых идентифицируется человеком как самостоятельная личность¹².

Я стараюсь жить «по Августину» и «по Фуко» и в соответствии со своими экзистенциями, признаю второй и третий сценарий, но считаю их негативными.

Что же, в конце концов, следует из моего размышления? Мы не проектировщики себя, а скорее, «путники-сталкеры». Мы себя замысливаем, определенным образом концептуализуем, и пытаемся свои замыслы реализовать, но наши усилия не имеют ничего общего с проектированием себя. Наши усилия по возобновлению собственной жизни способствуют становлению «распределенного целого», фокусами которого выступают экзистенциальная проблема, наши рациональные действия, погружение на «дно души». Результат становления - поступок и конституирование себя. Конституирование себя – только временная «стоянка», с нее начинается очередной этап эволюции личности, который рано или поздно приводит нас к очередной экзистенциальной проблеме, к невозможности жить по-прежнему.

Анализ этих сложных процессов предполагает «нелинейную логику» в двух основных смыслах. Во-первых, все составляющие распределенного целого и оно само устанавливаются в исследовании и практиковании жизни, которые при этом сами устанавливаются (М.Мамардашвили, А.Пузырей). Во-вторых, наши позиция и подход, как осмысляющего эти процессы, вносит существенный вклад в изучаемый феномен, поэтому так важно их осознавать и артикулировать.

¹² Розин В.М. Феномен множественной личности. По материалам книги Дэниела Киза «Множественные умы Билли Миллигана». М., 2008.